

УДК 811.112.2'42:070(430)

Стереотипизация образов российских политиков в немецкоязычном медиадискурсе

М. А. Шаманская

Шаманская Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии, Иркутский государственный университет, mary-sch@yandex.ru

В статье рассматривается языковая репрезентация стереотипов на примере анализа текстов немецкоязычной прессы, посвященных избирательной кампании в России в 2018 г. Подтверждается большое значение упрощения и обобщения в формировании образов российских политиков в немецких СМИ. Выявляются некоторые характеристики стереотипов о российских политических деятелях, описываются языковые средства их репрезентации.

Ключевые слова: стереотип, язык, репрезентация, образ политика, медиадискурс, метафора.

Stereotyping of Russian Politicians in German Media Discourse

M. A. Shamanskaya

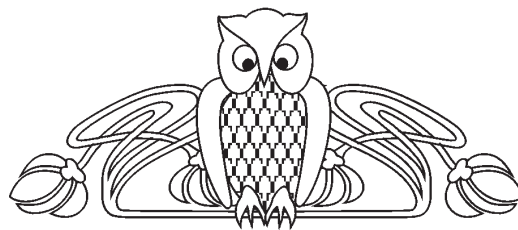
Maria A. Shamanskaya, <https://orcid.org/0000-0001-5896-058X>, Irkutsk State University, 8 Lenina St., Irkutsk 664025, Russia, mary-sch@mail.ru

The article deals with the problem of language representation of stereotypes on the example of German mass media, featuring the election campaign in Russia in 2018. It has been confirmed that simplification and generalization play a significant role in forming the images of the Russian politicians in German mass media. Some characteristics of stereotypes about Russian political figures are revealed, linguistic means of their representation are described.

Keywords: stereotype, language, representation, image of politician, media discourse, metaphor.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-482-487>

Эффективным инструментом воздействия на общественное мнение, как известно, являются СМИ. Трудно переоценить возможности их использования в сфере политики. По мнению Т. И. Стековой, объективная реальность не только «отражается» политическим дискурсом, но и в большой степени создается и воссоздается им¹. В частности, массмедиа формируют у аудитории представление о политическом деятеле: «...в первую очередь, образ политика транслируется СМИ, и личность политического деятеля воспринимается через призму его представления в СМИ» (перевод здесь и далее наш. – М. Ш.)². При этом профессиональные журналисты используют специальные «инструменты для осознания, моделирования и оценки политических процессов, ... средства воздействия на социаль-

ное сознание»³. В качестве такого инструмента нами рассматривается стереотип.

Понятие «стереотип» неоднозначно: в современной науке, в частности в языкознании, существуют различные подходы к его толкованию. Мы опираемся на трактовку стереотипа как ментального феномена. Согласно данной трактовке под стереотипом понимается «социально обусловленное мнение о том, как выглядит, что делает или что собой представляет X»⁴. Стереотипы являются стандартными вариантами интерпретации действительности⁵. При этом некой группе объектов или лиц приписываются обобщающие и упрощенные качества. Этот процесс, называемый стереотипизацией, упрощает нам ориентацию в мире, редуцируя его сложность и многообразие и позволяя сформировать мнение о чем-либо/ком-либо без особых когнитивных и коммуникативных усилий.

Считаем, что существенной особенностью стереотипа являются двойственность, замкнутость на себя, вызываемая им своего рода «цепная реакция». В социальном аспекте стереотипы – это структуры сознания, относящиеся к группе лиц как социальной категории и приписывающие ей определенные качества или особенности поведения. Отдельным лицам как членам определенной группы приписываются качества именно на основании принадлежности к этой группе⁶, так же как качества отдельных (выдающихся) представителей группы переносятся на группу в целом. Эта особенность делает стереотип удобным инструментом пропаганды. Как отмечает У. Липпман, именно стереотипизация предлагает самые действенные механизмы воздействия на общественное сознание⁷.

В настоящей работе предпринимается попытка выделить стереотипы о российских политических деятелях, транслируемые текстами немецкоязычных СМИ. Осложнение политических отношений между Россией и странами Европейского союза в последнее время неизбежно нашло свое отражение в медийном дискурсе, не только (и не столько) отражающем действительное положение вещей, но и формирующем устойчивое мнение о нем у представителей целевой аудитории. Материалом работы послужили тексты крупных немецкоязычных общественно-политических online-изданий: «WELT», «FOCUS-Online», «SPIEGEL ONLINE», «Frankfurter Allgemeine» (далее – FAZ.NET), «Süddeutsche Zeitung» (далее – SZ), «ZEIT ONLINE». По сво-

ей жанровой принадлежности анализируемые тексты являются новостными сообщениями и авторскими комментариями политических обозревателей. При выборе языкового материала мы исходим из того, что, будучи компонентами сознания, стереотипы могут выражаться в языке как в форме предложения, так и в форме слова⁸.

Не представляется необычным тот факт, что большинство рассмотренных статей посвящено Президенту России. Личность руководителя государства закономерно вызывает интерес зарубежных корреспондентов и аналитиков. В немецкоязычной прессе прослеживается тенденция акцентировать должностное положение В. Путина, представляя его как нечто исключительное в рамках политической системы страны. Так, политический строй России в анализируемых текстах кратко именуется как *das Putin System*, *Putins Reich*, *Putins Herrschaft*, *das System Putin*, *Putinismus*. Примечательно, что в немецком языке используется имя прилагательное *Putinisch* (*Putin'sch*), образованное от фамилии Президента России: *Teil der Putinischen Kriegspolitik* (SZ, 29.05.2015); *Unangetastet bleibt das politische Grundgerüst des Putin'schen Russlands* (FOCUS-Online, 25.02.2018). Таким образом, у читателей формируется мнение о политической системе России как о конструкторе, полностью зависящем от одного человека.

С должностью президента сопряжен большой объем власти. Этим обстоятельством пользуются журналисты, когда применяют лексемы, утрирующие представление о высшей руководящей должности в стране. Так, заголовок статьи *«Herrscher über Russland» – «Властитель России»* (FAZ.NET, 19.03.2018) призван еще до ее прочтения создать у целевой аудитории предвзятое впечатление, поскольку слово *Herrscher* в своем значении имеет признак именно абсолютной власти. Это не единственный случай использования производных от слова *Herr* в контексте, относящемся к руководящей роли президента: *Seit 18 Jahren beherrscht er das größte Land der Erde und steuert weitere sechs Jahre im Kreml an* («Putin geht als Oberbefehlshaber in seine Wiederwahl», FOCUS-Online, 17.03.2018). Стиль руководства В. Путина характеризуется как авторитарный либо прямо: *Seine autoritäre Herrschaft* (Там же), либо с помощью образных примеров: *Wladimir Putin hat gesprochen, sein Wort ist Befehl* (SPIEGEL ONLINE, 30.08.2018). Ситуация, когда каждое слово руководителя является приказом, возможна при отсутствии демократии. Так, описание простой и понятной читателю ситуации подкрепляет транслируемый прессой стереотип «Президент России – авторитарный правитель».

Устойчивым компонентом стереотипа о В. Путине, воссоздаваемого немецкими СМИ, является гендерная составляющая. При этом признак «мужественность» утрируется так же, как и признак «власть». Выстраивая наглядный образ,

автор прибегает к иронии: *Da ist es nicht mehr weit zum Macho-Image Putins, der oben ohne auf dem Pferd reitet und dem Sibirischen Tiger den Nacken krault* («Warum nicht so weitermachen wie bisher?», S. Brunner, ZEIT ONLINE, 19.03.2018). Гендерный стереотип мужественности включает в себя, помимо таких качеств, как «сила», «решительность», также признаки «жесткость», «агрессивность». Он неоднозначно оценивается в европейском обществе, декларирующем равенство полов, предполагающее равную ценность «мужских» и «женских» личностных качеств. Акцентуация мужественности Президента России в приведенном примере репрезентирует представление о том, что президент эксплуатирует образ «сильного решительного мужчины», привлекательный для определенной части общества.

Другим эффективным средством создания негативного стереотипа являются отсылки к советскому прошлому, в особенности к представлениям о советских спецслужбах: *Der frühere KGB-Agent Putin führt Russland seit 18 Jahren* (ZEIT ONLINE, 19.03.2018). Можно предположить, что среднестатистический читатель немецкой прессы с большой долей вероятности не обладает достоверной информацией о реалиях жизни в Советском Союзе и о работе такой организации, как КГБ. Однако сама эта аббревиатура является знаком – «ключом» к комплексу представлений о таинственной и всемогущей государственной структуре, контролирующей граждан и враждебной к представителям других государств. Упоминания о прежнем месте работы Президента России дает журналистам возможность активировать в сознании адресата эти фоновые знания и оценки, которые ассоциируются с образом В. Путина. Подобное обращение к заранее сформированным предубеждениям читателей можно наблюдать в следующем отрывке:

Die wichtigen Entscheidungen werden in Russland im ehemaligen Gebäudekomplex des ZK der KPdSU (Zentralkomitee der Kommunistischen Partei der Sowjetunion) am Moskauer Staraja Ploschtschad getroffen, wo heute das Amt des russischen Präsidenten residiert... Sergej Kirijenko, Putins Vertrauter und professioneller Apparatschik, ist in seiner Funktion als erster stellvertretender Amtsleiter für die reibungslose Durchführung der Wahlen auf allen Ebenen im Lande zuständig («Wie der Kreml die Fäden bei der Wahl zieht – und wer wirklich gegen Putin antritt», D. Stratievski, FOCUS-Online, 25.02.2018).

Здесь автор последовательно проводит мысль о преемственности руководящей традиции президента от деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Помимо наименования высшего партийного органа (ЦК), в тексте используются топоним *Staraja Ploschtschad* и анахронизм *Apparatschik*. Такое нагромождение лексики, имеющей отношение к политической системе СССР, с одной стороны,

служит цели подтверждения компетентности автора, его владения темой, с другой стороны, отсылает к бытующим в сознании европейских читателей представлениям об устройстве названной политической системы. В следующем примере объединяются негативные представления о возрождении советского прошлого и монархической власти: *Umgekehrt befürchtet der Westen, dass Putin sich in die Zaren-Rolle des «Sammlers russischer Erde» hineingesteigert hat und nun versucht, den einstigen sowjetischen Herrschaftsraum unter neuer Etikettierung wiederherzustellen* (ZEIT ONLINE, 23.07.2015).

Если ассоциации с государственным устройством СССР предполагают отсутствие демократии, то употребление слова *Zar* укрепляют это убеждение. Монархическая метафорическая модель активно используется в дискурсе немецких СМИ, темой которого является Россия⁹. При этом проводится аналогия между современной Россией и Россией времен царизма, в которой монархия, в отличие от конституционных монархий европейских стран, была абсолютной, т. е. вся полнота государственной власти была сосредоточена в руках одного человека. Немецкоязычные журналисты прибегают к слову *Zar* для номинации В. Путина в целях активизации этой аналогии. Кроме того, эта лексема является экзотической для носителя немецкого языка, что позволяет привносить в содержание статей о Президенте России сказочный колорит: *Der wirtschaftliche Verfall könnte die Revanchegelüste des neuen Zaren sogar erst recht anstacheln. Die ultranationalistischen Geister, die er dazu gerufen hat, lassen sich nicht ohne Weiteres wieder in die Flasche zurückstopfen* («Putin muss Grenzen seines Abenteurertums spüren», R. Herzinger, WELT, 29.11.2014). Метафора «Президент России – царь» объединяется здесь с метафорами «ультранационалистические настроения общества – дух/джинн из бутылки», «Президент России – заклинатель духов». В. Путину приписываются абсолютная власть и манипуляция массовым сознанием. Его образ, формируемый в этой статье, является почти сверхъестественным, это демонический образ «царя-заклинателя».

Обращение к теме мистики является еще одним распространенным инструментом формирования стереотипа о Президенте России. Длительность срока его пребывания у власти является для журналистов поводом для использования гиперболы *der ewige Präsident* – «вечный Президент» (SPIEGEL ONLINE, 27.12.2017). Если в этом случае имя прилагательное *ewig* «вечный» можно рассматривать как ироничную отсылку к продолжительности правления В. Путина, лишь частично сохранившую компонент сверхъестественности в своем значении, то в следующем примере непосредственно говорится о мифологизации образа президента: *Putin hat aufgehört, eine Persönlichkeit zu sein, und ist inzwischen zu einer Art sakraler Körper des russischen Staats*

geworden («Warum nicht so weitermachen wie bisher?», S. Brunner, ZEIT ONLINE, 19.03.2018). Эффект обезличивания, сакрализации, о котором говорится в этом отрывке, должен вызывать отчуждение читателя. В этой же статье приводится сравнение образа В. Путина со сказочными образами русских богатырей, причем автор не переводит экзотизм *Bogatyr* на немецкий язык, но подробно объясняет его значение, перенося аналитический обзор деятельности реального политического лица в область сказочного дискурса:

Im Russischen hat Stärke eine besonders positive Bedeutung... Es entspricht der Märchentradition der Bogatyri, den berittenen Heldenfiguren aus den russischen Heldenliedern. Eine mittelalterliche Tafelrunde mit übernatürlichen Kräften, die sich in der Kiewer Rus als Beschützer der altrussischen Städte hervortat (Там же.)

Сказки с их однозначным делением мира на стороны добра и зла являются фондом стереотипных образов, вызывающих эмоциональный отклик и у взрослых читателей. Важным является то обстоятельство, что при обращении к сказкам или мистической традиции немецкоязычные авторы подчеркивают их чуждость современной реальности:

Wladimir Putin ist über das höchste Amt, das die Politik zu bieten hat, längst hinausgewachsen und auf dem Weg, zur mythischen Figur jenseits aller Politik zu werden... Abtreten kann er nicht mehr. Dann gäbe es ja kein Russland mehr, dann könnte das ganze Land plötzlich vom Erdboden verschluckt werden wie ein verhextes Königreich im Märchen («Der atemberaubende Aufstieg des Wladimir Putin», Ch. Esch, SPIEGEL ONLINE, 27.12.2017).

Так акцентируется инаковость политического устройства России как заколдованного царства (*ein verhextes Königreich*) по отношению к «нормальному» положению вещей и усиливается стереотипное представление об исключительности позиции В. Путина в рамках этого политического устройства.

Следует отметить, что, несмотря на критику стиля руководства В. Путина, некоторые обозреватели признают эффективность его политики, принесшей стране стабильность, благополучие и значимость на внешнеполитической арене: *Seine Unterstützer lieben ihn dafür, dass er nach den chaotischen Jelzin-Jahren seinem Land wieder zu Wohlstand und außenpolitischer Stärke verholfen hat* (SZ, 13.06.2015). Примечательно употребление неопределенного артикля в следующем примере: *Lieber einen Putin im Kreml als Chaos auf der Straße* («Warum nicht so weitermachen wie bisher?», S. Brunner, ZEIT ONLINE, 19.03.2018). Фамилия главы государства в этом примере становится именем нарицательным, т. е. речь идет уже не о личности, но о типе политического деятеля, чье правление представляет собой наименьшее из зол по сравнению с социальными беспорядками. Таким образом, в немецкоязыч-

ных СМИ транслируется стереотип о В. Путине как об авторитарном правителе.

Если принимать во внимание, что президент представлен в немецкоязычной прессе не просто как ключевая фигура российской политики, но как единовластный правитель, вполне закономерным представляется тот факт, что все политические деятели в России определяются через их отношение к президенту. При этом значение их личностей и деятельности зачастую умаляется. Так, выделяется группа сторонников В. Путина: *Machtzirkel um Putin, Putin-Team, Putins Umfeld, Putin-Vertraute, Weggefährte Putins*. Основная стереотипная черта таких политиков – верность власти: *Sergej Sobjanin... gilt nicht nur als sehr loyal und fleißig, sondern auch als einer, der lieber in der zweiten Reihe steht* («Putins Mann in Moskau», Ch. Hebel, SPIEGEL ONLINE, 10.09.2018). Средствами, репрезентирующими эту черту в приведенном отрывке, являются: употребление имени прилагательного *loyal* «верный», заголовок статьи «*Putins Mann in Moskau*» («Человек Путина в Москве») и пространственная метафора *steht in der zweiten Reihe* «держится на втором плане». Премьер-министр России представлен не как самостоятельная политическая фигура, а как доверенное лицо и сподвижник В. Путина, сохраняющий для него высший государственный пост: *Wladimir Putin... überließ das Präsidentenamt einem treuen und blassen Juniorpartner, Dmitrij Medwedew* («Der atemberaubende Aufstieg des Wladimir Putin», Ch. Esch, SPIEGEL ONLINE, 27.12.2017). Ирония автора по отношению к второстепенному положению Д. Медведева усиливается использованием имени прилагательного *bläss* (помимо основного значения «бледный», имеющего также значение «невзрачный, непримечательный») и акцентуацией возрастного признака в слове *Juniorpartner*.

Очередные выборы Президента России, состоявшиеся 18 марта 2018 г., привлекли внимание иностранных журналистов к действующим лицам российской политики. В описании предвыборной кампании, выборов как таковых и их результатов наблюдается тенденция к упрощению. Так, обозреватели неоднократно выражают мысль о предопределенности результата выборов: *Putins Herrschaft ist auch im Jahr 2018 alternativlos* (SPIEGEL ONLINE, 27.12.2017); *Es geht nicht darum, einen Sieger zu bestimmen – der steht ja schon vorab fest und heißt Putin* (SPIEGEL ONLINE, 18.03.2018). В заголовке статьи «*Russland sucht den Superzar*» (SPIEGEL ONLINE, D. Peters, 27.12.2017) объединяются метафоры «Россия – монархия» (использование лексемы *Zar*) и «Предвыборная кампания – инсценировка» (автор обыгрывает название популярного телешоу «*Deutschland sucht den Superstar*»). Журналисты активно прибегают к метафорам, базирующимся на аналогии со сферой шоу-бизнеса: *das endgültige Szenario*

des Wahlkampfs (FOCUS-Online, 25.02.2018); *die große Wahlshow* (SPIEGEL ONLINE, 19.10.2017); *die brutale Realityshow* (SPIEGEL ONLINE, 27.12.2017). Заметим, что в этом случае проводится сравнение не с явлением из области классического искусства, но с реалити-шоу, элементом массовой культуры, рассчитанном на неразвитый вкус обывателя. Соотнесение кандидатов на пост президента с участниками такого шоу дискредитирует их в глазах читателей: *Demonstranten wider Willen, Morddrohungen und Clowns als Kandidaten: Die Präsidentschaftswahl in Russland erinnert an eine Schmierkomödie – und droht zur Tragödie zu werden* («Anfang vom Ende des Systems Putin», B. Reitschuster, FOCUS-Online, 03.03.2012). Для характеристики избирательной кампании автор процитированной статьи использует сложное слово с компонентом *Schmiere* «низкопробный театр», а ее участников называет клоунами. Так создается обобщенное мнение, объединяющее в одну группу представителей различных политических течений. Стереотип о второстепенности роли всех политиков в России за исключением В. Путина выражается и в следующем примере: *Die sieben zugelassenen Gegenkandidaten wie der Rechtsaußen Wladimir Schirinowski oder der altgediente Liberaler Grigori Jawlinski agierten im gesteckten Rahmen... Sie stehen zwerghaft tief unter dem Amtsinhaber* («Putin geht als Oberbefehlshaber in seine Wiederwahl», FOCUS-Online, 17.03.2018). Для подкрепления мнения о незначительности «допущенных к выборам кандидатов» используются пространственные метафоры: они «действуют в заданных рамках» и «стоят ниже» действующего президента. Примечательно здесь употребление гиперболы *zwerghaft*, восходящей к сказочному дискурсу, к образу цверга (гнома).

В соответствии с представлением об отсутствии политической конкуренции в текстах немецкоязычных СМИ утверждается, что в России нет подлинной оппозиции: *In Russland gibt es keine echte Opposition* (ZEIT ONLINE, 19.03.2018). Для наименования оппозиции авторами используются такие слова, как *Systemopposition* или *systemkonforme Opposition*, выражающие мысль о том, что оппозиция не противопоставляется системе государственной власти, но является ее частью. Соответственно, конкурирующие кандидаты являются «мнимыми» конкурентами и «мнимыми» оппозиционерами: *Scheinkonkurrenten, Scheinoppositionelle* (WELT, 18.03.2018). Для того чтобы убедить читателя в своей компетентности, журналисты прибегают к приему классификации, соотнося действующих политических деятелей с произвольно выбранными категориями. В следующем примере это «политические старожилы» и «новички»: *Putins formelle Herausforderer kann man in zwei Gruppen einteilen, die «Alteingesessenen» und die «Neulinge»* («Wie der Kreml die Fäden bei der Wahl zieht – und wer wirklich gegen Putin

antritt», D. Stratievski, FOCUS-Online, 25.02.2018). Обобщение и упрощение являются механизмами создания стереотипа. Это можно проследить на примере употребления по отношению к соперникам В. Путина в предвыборной борьбе термина из области спорта: *Der Kreml braucht bewährte Sparringspartner: attraktiv genug, um Wähler in die Wahllokale zu locken, aber harmlos genug, um Putin nicht zu beschädigen* («Putins neuer Sparringpartner», Ch. Esch, SPIEGEL ONLINE, 18.03.2018). Заметим, что употребление слова *Sparringspartner* «спарринг-партнер» стало почти устойчивым в текстах статей, посвященных предвыборной кампании в России. Спарринг-партнер выступает в тренировочном бое с целью подготовки более сильного спортсмена. Эта спортивная метафора закрепляет в сознании читателей мнение о подчиненной роли всех признанных политических конкурентов действующего президента.

Согласно текстам немецкой прессы, в России действуют также представители «истинной» оппозиции, *echte Opposition* (FOCUS-Online, 19.03.2018). В качестве устойчивых выражений для их наименования используются слова *Andersdenkende, Kreml-Kritiker, Kremlikritiker, Regierungskritiker, Putin-Kritiker, Regime-Kritiker*. Таким образом, задача оппозиционеров – критиковать власть. Эта деятельность, по мнению немецких политических обозревателей, сопряжена с опасностью, в том числе и с опасностью для жизни: *Der Oppositionelle Boris Nemzow bezahlte seine Nachforschungen über die im Donbass gefallenen russischen Soldaten noch mit dem Leben* (SZ, 29.05.2015). Создавая мнение об атмосфере опасности, в которой действуют оппозиционеры, журналисты подчеркивают, что смелость – их основная черта. Употребление лексем, относящихся к семантическому ряду «смелый», закрепляет этот стереотип: *Boris Nemzow: Furchtloser Rebell* (SPIEGEL ONLINE, 28.02.2015); *Natalja Sindejewa kämpft unerschrocken für freie Berichterstattung* (SPIEGEL ONLINE, 05.06.2015).

Описывая предвыборную кампанию 2018 г., авторы отмечают немногочисленность «истинных» оппозиционеров: *Alexej Nawalny ist einer der wenigen Oppositionellen, die überhaupt noch Wahlkampf in Russland machen können. Vor rund zwei Jahren wurde Boris Nemzow erschossen; Wladimir Kara-Mursa liegt nach Angaben seiner Frau wieder mit Vergiftungssymptomen im Krankenhaus; Michail Chodorkowski lebt wie andere im Ausland* («Der Mann, der Putin herausfordert», Ch. Hebel, SPIEGEL ONLINE, 08.02.2017). Перечисление имен оппозиционеров с описанием трагических событий и сложных ситуаций, в которых они оказались, подкрепляет мнение об опасности независимой политической деятельности в России и призвано привлечь внимание читателей к фигуре А. Навального. Немецкие авторы видят в нем главного (и даже единственного) представителя оппозиции: *...der einzig unabhängige*

Kandidat (SPIEGEL ONLINE, 18.03.2018); *Nawalny gilt als wichtigster Vertreter der russischen Opposition gegen Präsident Wladimir Putin* (WELT, 15.11.2018). Исключительность личности А. Навального подчеркивается использованием военной лексики: *Er hat sich den Kampf gegen die Korruption auf die Fahnen geschrieben. In seinem Blog greift Nawalny immer wieder die Regierung offen an* («Der Mann, der Putin herausfordert», Ch. Hebel, SPIEGEL ONLINE, 08.02.2017). Образ одинокого борца, начертавшего на своем знамени лозунг борьбы с коррупцией (т. е. борьбы за справедливость), восходит к представлениям о рыцарстве и несет в себе положительную оценку. Метафорическое соотнесение политической борьбы с борьбой физической повторяется в следующем примере: *Nawalny wäre kein Sparringspartner gewesen, sondern hätte Putin wirklich gefährlich werden können* («Putin lässt sich für Wahlsieg feiern – aber ein Detail sollte ihm zu denken geben», A. Willner, FOCUS-Online, 19.03.2018). Так, А. Навальный противопоставляется стереотипному образу всех конкурентов В. Путина в предвыборной борьбе, объединяемых наименованием «спарринг-партнер».

В этом контексте примечательно то, как в немецкоязычной прессе представлена личность К. Собчак. В текстах 2014–2015 гг. ее имя, наряду с именами Б. Немцова, И. Яшина, Г. Капурова, М. Ходорковского, А. Навального, упоминается тогда, когда речь идет о «критиках Кремля». Говоря о К. Собчак – кандидате на пост Президента РФ в 2018 г., авторы используют следующие наименования: *Party-Girl, Itgirl, TV-Star, Glamour-Girl des russischen Boulevards, Trash-TV-Moderatorin*. Так акцентируются ее деятельность в сфере шоу-бизнеса и склонность вести светский образ жизни. Последнее обстоятельство выражено также в сравнении *Russlands Paris Hilton* (SPIEGEL ONLINE, 27.12.2017). Применение имени скандально известной американской «светской львицы» по отношению к политическому деятелю не способствует убеждению читателя в серьезности его позиции. Тот факт, что В. Путин ранее работал под руководством отца К. Собчак, журналисты используют при обращении к семейной метафоре: *Sobtschak ist die Tochter des ehemaligen Petersburger Bürgermeisters Anatolij Sobtschak, Putins politischem Ziehvater* («Russland sucht den Superzar», D. Peters, SPIEGEL ONLINE, 27.12.2017). Употребление лексемы *Ziehvater* «приемный отец» призвано создать впечатление о «семейственности» отношений действующего президента и кандидата на его пост. Эта метафора усиливается в следующем примере, где К. Собчак образно именуется «племянницей» В. Путина, а он – ее дядей: *Putins Nichte Xenia Sobtschak greift ihren Onkel für den «mittelalterlichen Racheakt» an der Punk-Band «Pussy Riot» hart an* («Xenia Sobtschak will Russland regieren – auf Wunsch von Putin?»),

Ch. Hebel, FOCUS-Online, 19.10.2017). Перенос политического соперничества в сферу родственных отношений является средством иронического выражения мнения о несерьезном и даже договорном характере этого соперничества.

Это мнение подкрепляется использованием метафоры из сферы шоу-бизнеса: *In der Hauptrolle: Sobtschak... Sobtschak poliert den Schein-Wahlkampf der ewig alten Männer auf – jung, weiblich, mit Charisma und sehr medienaffin – Sobtschak ergänze Präsident Putin gut* («Xenia Sobtschak will Russland regieren – auf Wunsch von Putin?», Ch. Hebel, FOCUS-Online, 19.10.2017). В приведенном примере предвыборная кампания репрезентирована как популярное шоу, а К. Собчак – как его участница. Соответственно, подчеркиваются качества, существенные не столько для политической деятельности, сколько для индустрии развлечений. Утверждается, что истинная цель участия этого кандидата в предвыборной борьбе – дополнять образ В. Путина. На то, что К. Собчак не относится к «истинной» оппозиции, указывается в следующем примере: *Sobtschak sei nur scheinoppositionell und kooperiere mit dem Präsidentsamt* («Wie der Kreml die Fäden bei der Wahl zieht – und wer wirklich gegen Putin antritt», D. Stratievski, FOCUS-Online, 25.02.2018).

Таким образом, участие К. Собчак в официальной предвыборной кампании 2018 г. позволило немецким журналистам отнести ее личность к стереотипу «мнимого оппозиционера», в действительности выполняющего волю президента. С ней ассоциируется верность власти как качество, стереотипно приписываемое группе таких политиков. В свою очередь, упоминание о прежней профессиональной деятельности этого кандидата в области индустрии развлечений позволяет усилить мнение о несерьезном, показном характере предвыборной борьбы, в которой участвуют другие кандидаты.

Анализ эмпирического материала позволил установить, что представленное в немецкоязычной прессе мнение о российских политиках стандартизировано и упрощено, т. е. стереотипизировано. При формировании стереотипов авторы апеллируют к фоновым знаниям читателей из области фольклора, истории и современной повседневной жизни, используя как средства прямой номинации, так и метафоры.

Репрезентация в немецкоязычной прессе представления о Президенте России В. Путине

опирается на стереотип сильного, авторитарного правителя-манипулятора «макиавеллевского типа», чьими характерными чертами являются мужественность, агрессивность, неискренность. Выстроенная и возглавляемая им система власти недемократична, но эффективна.

При описании большинства других политических деятелей России авторы используют языковые средства, позволяющие выразить стереотип «верного вассала правителя», исполняющего его волю либо открыто (как член «команды Президента России»), либо завуалированно (как представитель «формальной оппозиции»).

Этому стереотипу противопоставлен стереотип о немногочисленных «истинных оппозиционерах». Использование авторами оценочной лексики выражает мнение о том, что стереотипная черта оппозиционеров – смелость, поскольку критика государственной власти напрямую сопряжена с опасностью.

Можно утверждать, что журналисты в своих статьях используют стереотипизацию для усиления коммуникативного эффекта. При воспроизведении стереотипа возникает эффект его усиления и закрепления в сознании читателя. Таким образом, СМИ как эксплуатируют стереотипы, так и создают их.

Примечания

- 1 См.: *Стексова Т.* Образ политика в СМИ и быденном языковом сознании // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология.* 2012. Т. 11, вып. 6 : Журналистика. С. 78–83.
- 2 *Diermann M.* Politikerinnen und Politiker in Boulevardmagazinen. Studien zur Darstellung und Rezeption von Politikerinnen und Politikern in deutschen und internationalen Nachrichten- und Boulevardmagazinen. Berlin, 2010. S. 7.
- 3 *Будаев Э., Чудинов А.* Зарубежная политическая метафорология. Екатеринбург, 2008. С. 4.
- 4 Цит. по: *Pümpel-Mader M.* Personenstereotype. Eine linguistische Untersuchung zu Form und Funktion von Stereotypen. Heidelberg, 2010. S. 11.
- 5 См.: *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004. С. 100.
- 6 См.: *Pümpel-Mader M.* Op. cit. S. 13.
- 7 См.: *Липпман У.* Указ. соч. С. 104.
- 8 См.: *Pümpel-Mader M.* Op. cit. S. 116.
- 9 См.: *Хахалова С.* Семиметрия ценностных смыслов метафоры образа страны // *Вестн. ИГЛУ.* 2012. № 3. С. 22–27.

Образец для цитирования:

Шаманская М. А. Стереотипизация образов российских политиков в немецкоязычном медиадискурсе // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2019. Т. 19, вып. 4. С. 482–487. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-482-487>

Cite this article as:

Shamanskaya M. A. Stereotyping of Russian Politicians in German Media Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 482–487 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-482-487>